

Татьяна Петровна Бойко

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

Г. Н. МАКАРОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК КАРЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ*

Тема нашей конференции располагает к тому, чтобы рассказать о тех людях, которые стояли у истоков исследования карельского языка, карельской культуры. Автор данной статьи с особым почтением и вниманием отнеслась к предложению выступить на конференции с сообщением о человеке, который внёс огромный вклад в развитие карельской лексикографии, да и в целом в развитие карельского языка. Хочется представить Г. Н. Макарова как учёного, лексикографа, активного собирателя диалектных карельских материалов, имя которого, может быть, известно преимущественно специалистам, но вместе с тем, которое должно быть авторитетом для карелов, занимающихся вопросами, как исследования, так и возрождения карельского языка. Очень важно, чтобы имя и творчество одного из лучших представителей науки о карелах стало хорошо известным в нашей республике.

В последнее время возникает много вопросов вокруг научного наследия Григория Николаевича Макарова. В первую очередь это касается «Словаря карельского языка» [Словарь 1990], созданного Г. Н. Макаровым. Бытует мнение, что словарь значительно сокращён редакторами, что в него вошли не все материалы, собранные автором. В течение нескольких недель автор данной статьи работала в Архиве Карельского Научного центра, знакомясь с материалами Г. Н. Макарова. Были просмотрены все словники, заполненные информантами, многочисленные варианты рукописей словаря. Можно смело заверить всех, что редакторами была проделана кропотливейшая работа по редактированию рукописи, о чём будет рассказано ниже.

Г. Н. Макаров – глубокий знаток и исследователь языка и культуры карельского народа – родился 23 января 1918 г. в д. Самбатукса Олонецкого района Карельской АССР в семье крестьянина. Окончив в Самбатуксе четвёртый класс, Г. Н. Макаров перешёл учиться в школу крестьянской молодёжи в Олонец, а затем после окончания семилетки поступил учиться в Петрозаводск во вторую среднюю школу, в которой преподавание велось на финском языке. В 1936 г. он окончил десятый класс, но ещё целый год ходил на рабфак: днём учился, а по вечерам работал корректором в редакции газеты «Punainen Karjala». Затем началась учёба в Петрозаводском педагогическом институте, который в 1940 г. был преобразован в государственный университет. Когда началась война, Г. Н. Макаров был призван в армию. Вернувшись с фронта, он продолжил учёбу в университете, успешно закончив его в 1946 г. Уже в годы учёбы в университете определился интерес Григория Николаевича к национальному фольклору и языковедческой работе. Свою дипломную работу Г. Н. Макаров писал по лексике плачей известной причитальщицы Анны Михайловны Пашковой на основе изданного в 1940 году сборника «Причитания».

По окончании вуза Макаров меньше года проработал в Министерстве иностранных дел Карело-Финской ССР, а в 1947 г. уехал вместе с семьёй в Калининскую область на родину супруги. Работая в Козловской средней школе учителем русского языка и литературы, общаясь с детьми, которые хорошо говорили по-карельски, он смог ближе познакомиться с диалектами тверских карел, что явилось хорошей научной базой для изучения других диалектов карельского языка.

Научный путь Г. Н. Макарова начался в 1952 г. Вслед за своим школьным товарищем Алексеем Степановичем Жербиным, закончившим к тому времени аспирантуру, Григорий Николаевич решил тоже попытаться поступить в аспирантуру. Он был допущен к экзаменам

---

* Публикация статьи осуществлена в рамках плановой темы № 0225-2014-0017 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России: интерпретация результатов исследования применительно к практике языкового строительства».

и принят в целевую аспирантуру при Институте языкознания в Москве. Научным руководителем его стала известный финно-угровед, профессор Клара Евгеньевна Майтинская. В ноябре 1955 г. он закончил аспирантуру по специальности «финский язык» и защитил диссертацию на тему «Именные (субстантивные) определительные словосочетания в финском языке», которая явилась одной из первых работ в советском языкознании по синтаксису финского языка.

В декабре 1955 года Г. Н. Макаров стал ученым секретарем Института языка, литературы и истории, а в 1958 году он перешёл в сектор языкознания на должность младшего научного сотрудника, а через шесть лет уже работал в должности старшего научного сотрудника того же сектора.

Учёба у лучшего финно-угроведа страны К. Е. Майтинской значительно повысила научный кругозор Г. Н. Макарова, что позволило ему подготовить серьёзный научный очерк «Карельский язык» для книги «Языки народов СССР», в котором впервые в СССР был представлен карельский язык [Макаров 1966: 61–81]. Написанные исследователем статьи по карельскому языку не утратили актуальности и спустя десятилетия.

Итак, с 1961 года, имея основательную языковедческую подготовку, Г. Н. Макаров смог взяться за более серьёзное изучение ливвиковского диалекта карельского языка. Он поставил перед собой задачу подготовить к печати словарный материал, собранный по коткозерскому говору местным учителем Н. А. Анисимовым, и дополненный материалами по другим говорам ливвиковского диалекта. Выбор коткозерского говора был обусловлен его наибольшей распространённостью (говор охватывает более 20 деревень) и центральным положением в наиболее густонаселённой части территории проживания ливвиков. Эта работа оказалась насколько увлекательной, настолько же трудной. Выяснилось, что многие помощники Анисимова, а это были в основном тоже школьные учителя, слишком дилетантски заполняли его вопросники. В многих случаях они ограничивались лишь тем, что переписывали коткозерские образцы на свой лад, в соответствии с фонетической и морфологической системой говора. Чтобы внести правки и освежить материал, Григорию Николаевичу пришлось искать новых помощников и самому заняться сбором материала. В процессе работы словник был дополнен по разным источникам. Целиком один экземпляр словника был заполнен в Коткозере В. М. Макушевой и А. М. Блохиной.

Одной из лучших помощниц Г. Н. Макарова по сбору материала была пенсионерка К. А. Гуляшова, бывшая учительница Мегрегской школы. Материал, собранный ею, имеется в картотеке сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН. Также ценные материалы по второму экземпляру словника были собраны и представлены Г. Н. Макарову такими информантами, как Губарева О. Н. из д. Торосозеро, Кириллов Г. В. из д. Вагвозеро, Макушева В. М. из с. Коткозеро, Феклистов М. И. из д. Гошкила и др.

В процессе составления словаря Григорий Николаевич ежегодно выезжал в районы для сбора материала и не прекращал работать даже во время отпусков, которые проводил в Самбатуксе или Печной Сельге. Разгуливая по деревне и общаясь с односельчанами, он всегда имел при себе принадлежности для записывания. Сам он был прекрасным знатоком карельского языка, сохранившим изумительно тонкое чувство родного ливвиковского диалекта. И рукопись словаря росла, созревала, впрочем, не так быстро, как предполагалось по институтским планам. Работа над составлением словаря родного ливвиковского диалекта доставляла Григорию Николаевичу и радости и горести. Радость приносили ему сельские друзья и активные помощники, подобные Клавдии Александровне Гуляшовой, и те коллеги, которые с пониманием относились к неудержимому увеличению объёма рукописи. Особенно благодарен был Григорий Николаевич старшему научному сотруднику Института языкознания АН СССР (Москва) Юрию Сергеевичу Елисееву, который был утверждён ответственным редактором словаря, и вместе с которым он решал возникавшие вопросы как по структуре словарных статей и подаче иллюстративного материала, так и по принципам организации справочного аппарата. В заключении, данном Ю. С. Елисеевым как ответственным редактором словаря, написано: «По ориентировочным подсчётам текст словаря составит около 80 а. л. Кроме того, словарь будет снабжён грамматическим очерком диалекта (5–6 а. л.) и русским регистром (10–12 а. л.).

Таким образом, общий объём словаря составит около 100 а. л. Имея в виду, что двуязычный словарь бесписьменного карельского языка составляется впервые, и едва ли можно рассчитывать на повторное его издание в будущем, крайне нежелательно было бы идти по линии сокращения объёма словаря, и следовало бы сохранить весь материал, имеющийся в авторском варианте» [НА КарНЦ РАН¹, ф. 18, оп. 2, д. 1, л. 237].

Составление таблиц спряжений и склонений было, пожалуй, самым трудным и доставляло Григорию Николаевичу некоторые неприятности. Также нелёгким оказался подбор русских эквивалентов карельским иллюстрациям.

Осенью 1967 года, когда Г. Н. Макаров приехал навестить родную Самбатуксу, с ним случился острый сердечный приступ. С тех пор редактирование словаря стало ещё сильнее отставать от плановых сроков. Тем не менее, 27 марта 1971 г. он поделился радостью в письме к Пертти Виртаранта: «И вот теперь словарь в виде рукописи готов, всего около 4000 машинописных листов. Мне самому кажется, что это был титанический труд, и вообще я пришёл к выводу, что составление словаря – непосильная задача для одного человека, особенно в такой короткий срок. У меня сейчас такое чувство, как будто скинул с плеч огромнейшую тяжесть» [Виртаранта 1992: 64].

Рабочий вариант рукописи Словаря в объёме 110 а. л. требовал не только обычного титульного редактирования, но и известной авторской доработки. Эта работа была начата Г. Н. Макаровым, но его труд прервался на начальных буквах: из всего объёма рукописи он успел переработать 570 страниц. После первого сердечного приступа, случившегося в сентябре 1967 г., здоровье Григория Николаевича так больше до конца и не восстановилось, и 21 апреля 1972 г. его сердце успокоилось навеки.

Перед редакторами было поставлено условие – не превышать объём словаря больше 95–100 а. л. Сокращение объёма необходимо было совместить с задачей максимального сохранения лексического богатства языка, зафиксированного в словаре. Основную редакторскую работу выполняла старший научный сотрудник сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН И. В. Сало – опытный лексикограф, составитель финско-русских и русско-финских словарей. Необходимость проверки материала в отношении толкования и перевода слов или их морфологических характеристик возникала у редактора в целом ряде случаев. Проводились проверки и уточнения со специалистами и носителями ливвиковского диалекта в Петрозаводске, а также в местах распространения коткозерского говора. Самую ценную помощь в этой работе оказала научный сотрудник сектора языкознания Л. Ф. Маркианова, взяв на себя труд сплошного прочтения рукописи словаря, поскольку являлась носителем данного диалекта.

Редакторы в предисловии указывают, что иллюстративный материал был неравномерно распределён по словарным статьям: одни статьи были перенасыщены иллюстрациями, другие же словарные статьи их не имели или их не хватало для раскрытия значений. При внимательном прочтении рукописи в Архиве нам удалось найти много подтверждений этому: например, у союза *a* в первом значении дано 10 примеров, в том числе 3 пословицы; у глагола *andua* выделено 13 значений, в отредактированном варианте дано 7, но за $\diamond$ (ромбом) даны примеры, взятые из остальных 6 значений. Поскольку в словаре имелся богатейший диалектный материал, редакторы сумели целесообразно распределить его по словарным статьям. В некоторых случаях они дали более подробную разработку значений, поскольку это подтверждалось имевшимся иллюстративным материалом, например, в статье *alahaine* к двум имеющимся значениям прилагательных ‘нижний, расположенный внизу’ и ‘низкий, низко расположенный’, добавлено ещё два значения существительных: ‘низ, нижний этаж’ и ‘нижний, живущий внизу’, которые ранее не были выделены [Словарь 1990: 19].

В рукописи было выявлено немало слов, которые были в иллюстрациях, но остались без внимания. Редакторы включили их в словарь в качестве заголовочных, снабдив их переводом, и перенесли в эти статьи соответствующие иллюстрации, например, появилась статья

---

¹ Здесь и далее: Научный архив Карельского научного центра РАН.

ennustelu ‘предсказывание’ (в статье *ennustella* была иллюстрация *sanella ennusteluloi* ‘предсказывать’) [Словарь 1990: 49].

В глагольных словарных статьях у автора в скобках даны суффиксы (-ndu, -mine, -us, -ai), с помощью которых можно образовать имена существительные и прилагательные.

Редакторы к имеющимся уже таким статьям с отглагольными существительными добавили статьи, получившие самостоятельное значение, например, *ailastus* ‘горе, удар’; *čohkeh* ‘возня’; *čuhineh* ‘шёпот, молва’; *emändöičys* ‘стряпня’ и т. п.

В целях сокращения объёма словаря редакторам пришлось снять русскоязычные заимствования, у которых в ливвиковском диалекте имелись свои эквиваленты, например, были сняты такие слова, как *arenduija*, *arestuija*, *beda*, *besputnoi*, *blahodarie*, *blahodarnoi*, *dorogoi*, *dosku*, *dotovo*, *duarom*, *ikru*, *jarkoi*, *pripuadošnoi* и т. п. Не включили редакторы в словарь незначительное число топонимов и антропонимов, имевшихся в рукописи, например: *Čoga* – название кладбища в Коткозере, *Mišanakkunevesky* ‘невестка – Мишина жена’.

Одной из самых трудных у редакторов была разработка глагольных словарных статей. В карельском языке хорошо развита система глагольного словообразования, когда оттенки однократности, многократности, моментальности, фреквентативности, каузативности и т. д. выражаются отдельными суффиксами, последовательно наращиваемыми друг на друга. Автор испытывал большие трудности в их однозначном переводе на русский язык. Поэтому в рабочем варианте рукописи Г. Н. Макаров переводил только основной глагол, а производные от него давались с отсылкой к основному глаголу. Например, чтобы узнать значение глагола моментального действия, нужно было обратиться к каузативному производному глаголу, при котором тоже не было перевода, а была отсылка к основному глаголу, имевшему перевод (*nezevytäldiä* в том <*nezevyttiä*; *nezevyttiä* в caus <*nezevyö* ‘сыреть’). Это очень затрудняло пользование словарём. Редакторы стремились устранить эти недостатки, но это не всегда удавалось, поэтому в ряде случаев эти отсылки были сохранены (например, *iškettiä* в caus от *iškie*; *ištuldua* в том от *ištuo*).

В словаре автор также предполагал дать рисунки, иллюстрирующие предметы домашнего обихода, но рисунки не были оформлены, и редакторам пришлось отказаться от такой доработки; при этом редакторы дали более пространные переводы этих слов, например: *rahmas* 1) *большая ступа для толчения овса на мельнице*; 2) *полная ступа овса (около мешка)*; *hammas|riw* *зажим (палка с зазубриной на конце, употребляемая для придерживания ножа, косы, топора при точении)* и т. п. [Словарь 1990: 249].

В словаре планировалось также дать таблицы спряжения и склонения с отсылкой заголовочных слов к соответствующему типу словоизменения. Составление таблиц не было завершено автором и от них пришлось отказаться.

Следует еще раз подчеркнуть, что редакторы выполнили очень трудную задачу, сумев не только не сократить объём словаря, а наоборот, добавить в него недостающие статьи и сохранить при этом диалектный иллюстративный материал, отражающий материальную и духовную культуру носителей языка.

Г. Н. Макаров подготовил ещё один небольшой русско-карельский словарь, содержащий около 10000 слов. Но этот словарь ему не довелось увидеть изданным, он вышел из печати в 1975 г.

У Г. Н. Макарова и В. Д. Рягоева в 1969 г. вышел в свет большой, почти в 300 страниц сборник «Образцы ливвиковской речи», который сейчас стал библиографической редкостью. Григорий Николаевич написал введение, где в краткой, но очень содержательной форме охарактеризовал олонецкие говоры, т. е. ливвиковский диалект. В текстах даны ценные сведения о старинной культуре карелов-ливвиков (в том числе о свадебных обрядах).

Также хочется отметить страстное увлечение Григория Николаевича пословицами, поговорками и загадками. Г. Н. Макаров составил поистине уникальные сборники исчезающих из современной карельской речи метких и во все времена актуальных пословиц и выражений. Сам Г. Н. Макаров знал несчётное число пословиц и поговорок. Он издал четыре сборника пословиц. В образцах речи калининских карел и ливвиков также опубликовано

много пословиц. Первый сборник «Карельских пословиц, поговорок и загадок» вышел в 1959 году (пословицы напечатаны на кириллице и сопровождаются переводами на русский язык). В сборнике около 1000 пословиц и около 200 загадок [Карельские пословицы 1959]. Второй сборник «Карельские пословицы и поговорки» содержит уже около 2000 пословиц и поговорок [Карельские пословицы 1969]. Последнюю публикацию пословиц Г. Н. Макаров подготовил на людиковском материале, который собрала уроженка Пряжи Анна Тимофеевна Самсонова. Сборник «Пословицы Пряжи» издало финляндское Финно-угорское общество в 1971 г. В канун 80-летнего юбилея учёного издательство «Периодика» при финансовой поддержке Министерства РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями переиздало сборник карельских пословиц и поговорок, собранных Г. Н. Макаровым в 1950–1960 гг.

Тверским говорам Г. Н. Макаров посвятил одну из своих крупнейших работ – сборник текстов «Образцы карельской речи» [Образцы 1963]. Сборник содержит 89 текстов с подстрочными переводами на русский язык и введение. По своей тематике тексты освещают жизнь и быт тверских карел, их будни и праздники. Среди информантов следует выделить учителя из деревни Мосеевское Весьегонского района Калининской области К. В. Манжина, который сделал попытку дать историческое и этнографическое описание своего Весьегонского района, активно занимался собиранием сказок, пословиц, поговорок, примет среди местного населения. Тесная связь Г. Н. Макарова с К. В. Манжиным продолжалась ряд лет. Собранный К. В. Манжиным материал значительно помог Г. Н. Макарову в исследованиях по фольклору карел, по истории происхождения карельского языка, его диалектов.

В 1971 г. Г. Н. Макаров опубликовал в журнале «Прибалтийско-финское языкознание» найденную им ещё в 1959 г. в архиве Ленинграда рукопись «Евангелия от Матвея» в переводе на язык тверских карел. Эта датируемая 1817 годом рукопись представляет собой очень ценный источник по истории тверских говоров и вообще карельского языка [НА КарНЦ РАН, ф. 18 оп. 1, д. 27, 56 л.]. Весьма ценны и выполненные Г. Н. Макаровым комментарии к переводу.

Творческий путь карельского учёного Г. Н. Макарова был исключительно продуктивным. Его словари, сборники текстов и многочисленные иные публикации представляют собой исключительную ценность для исследователей карельского языка и всей карельской культуры, и особенно высоко их значение сейчас, в то время, когда возрождается карельская письменность, закладываются основы карельского письменного языка, развивается литература на карельском языке.

Литература

Виртаранта Пертти. Этюды о карельской культуре: Люди и судьбы. Пер. с фин. Ю. Ю. Сурхаско. Петрозаводск: «Карелия», 1992. 288 с.

Карельские пословицы 1959 – Карельские пословицы, поговорки, загадки. Составитель Г. Макаров. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1959. 226 с.

Карельские пословицы 1969 – Карельские пословицы, поговорки. Составитель Г. Макаров. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1969. 312 с.

Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР, т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.

Научные труды Г. Н. Макарова (1946–1972 гг.) // Научный архив КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН), ф. 18 оп. 1, 2. 85 л.

Образцы 1963 – Макаров Г. Н. Образцы карельской речи: Калининские говоры. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 196 с.

Словарь 1990 – Словарь карельского языка. Составитель Г. Н. Макаров. Петрозаводск: «Карелия», 1990. 495 с.